

№ 18 (360). – С. 300–301. – URL : <https://moluch.ru/archive/360/80422/> (дата обращения: 18.11.2022 г.).

13. Николаева, Э. А. Первичное фразообразование в бельгийском варианте французского языка: семантический аспект : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.05 «Романские языки» / Э. А. Николаева. – Москва, 2006. – 304 с.

14. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость : монография / Е. В. Рахилина. – Москва : Русские словари, 2008. – 416 с.

15. Трофименко, Е. Н. Колоративные прилагательные в поэзии Велимира Хлебникова [Электронный ресурс] / Е. Н. Трофименко // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 246–248. – URL : <https://moluch.ru/archive/416/91983/> (дата обращения: 18.11.2022 г.).

16. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина ; отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1984. – С. 212–230.

17. Цыганова, С. А. Цветообозначения в фольклоре: символика, смысл, традиция / С. А. Цыганова // Mentalitat. Konzept. Gender. – Москва : Наука, 2000. – С. 79–99.

УДК 821.161.1

ФАНТАСМАГОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЦИКЛА РАССКАЗОВ Д. И. ХАРМСА «СЛУЧАИ»

Безклеяная Светлана Николаевна,

учитель немецкого и английского языков

МБОУ «Ильинская средняя школа имени Маслова Ивана Васильевича»

Сакского района Республики Крым,

магистрант Евпаторийского института социальных наук (филиала)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет

им. В. И. Вернадского», г. Евпатория, Российская Федерация

Научный руководитель: **Петренко Наталья Анатольевна,**

кандидат филологических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена изучению цикла рассказов Д. Хармса «Случаи», в котором находят отражение общественные катаклизмы, воспринимаящиеся читателем как абсурдные и фантазмагоричные. Отмечено, что фантастичность, абсурд, тенденции неомифологизма для автора – это действующее средство описания современной ему действительности.

Ключевые слова: рассказы, неоклассицизм, неомифологизм, философия, фантазмагоричность, абсурд, гротеск.

Abstract. The article is devoted to the study of the cycle of short stories “Cases” by D. Kharms, which reflects social cataclysms perceived by the read-

er as absurd and phantasmagoric ones. It is noted that fantasticness, absurdity, tendencies of neo-mythologism for the author are an effective means of describing the reality contemporary to him.

Keywords: short stories, neoclassicism, neomythologism, philosophy, phantasmagorism, absurdity, grotesque.

Постановка проблемы. Творчество оригинального автора первой половины XX века Д. И. Хармса представляет для нас особый интерес. Именно он является родоначальником литературы абсурда. Многие отечественные и зарубежные исследователи в своих научных трудах обращались к анализу художественных текстов писателя, фрагментов картин алогичной действительности (А. Александров, И. Вишневский, А. Герасимова, Дж. Гибан, В. Глоцер, Ж.-Ф. Жаккар, Л. Кацис, Н. Корнуэлл, А. Кобринский, И. Кукулин, И. Левин, М. Мейлах, А. Никитаев, В. Сажин, А. Стоун-Нахимовски, Н. Таршис, Д. Токарев, А. Ханзен-Лёве, Я. Шенкман, В. Шубинский, М. Ямпольский и др.). Однако до сих пор в современном литературоведении нет единого мнения о творческом наследии Д. И. Хармса, большинство выводов противоречивы и субъективны. Поэтому детальное изучение специфики творчества писателя, его эволюции, векторов развития русской абсурдной литературы и, в частности, произведений цикла «Случай» является для нас актуальным.

Цель статьи – выявление художественных особенностей изображения фантасмагоричной действительности в оригинальном цикле Д. Хармса «Случай».

Изложение основного материала исследования. В 1939 году Д. Хармс наконец полностью завершает важное произведение, состоящее из 31 фрагмента – цикл «Случай». Согласно записям писателя, работа над ним длилась несколько лет (1933–1939). Название цикла выбрано автором не случайно и появляется в его произведениях уже с 1926 года (стихотворение «Случай на железной дороге»). Далее слово «случай» часто встречается в качестве заглавия художественных текстов писателя.

Тексты цикла отличаются оригинальным комизмом и неожиданностью сюжетных поворотов. Здесь нарочито нарушаются не только традиционные правила повествования, но и правила логики. Автор отстраняется от окружающего мира, постепенно переходя к минималистическому неоклассицизму. Укажем, что многие писатели этого периода, отказавшись от традиционно-реалистических повествовательных структур, ориентировались в своём творчестве на архаическое сознание, соответствующее идейному пересозданию оставшихся представлений об окружающем мире и преставлению новой реальности. Формируется «неоклассическая проза», в основе которой универсальное, «архетипичное», где в социально-исторической конкретике обнажается драма, развивающаяся в просторном хронотопе, как историческом, так и небесно-мистериальном.

Мифологические сюжеты, архетипические образы и мотивы кодировали, шифровали тайный смысл действительно происходящего [2, с. 76-120].

Так, тенденции неомифологизма, его структурные элементы отображают те процессы, которые происходили в литературе в течение первых десятилетий XX в. Неомифологизм, по определению З. Минца, представляет культурный феномен XX столетия, который соотнесён с реалистическим наследием XIX века [2]. Специфика стилистической манеры Д. Хармса, с точки зрения критиков и литературоведов, обусловлена стремлением, как и у К. Малевича, пробиться к сущности бытия.

Русские писатели опирались в трактовании состояния сна на утверждения романтиков, отождествлявших сон со сказкой. Поэтика сновидения в прозе 20-х годов XX века ассоциируется с моделью лабиринта. Подобное онейрическое пространство встречается в произведениях Ю. Олеши, Е. Замятина, К. Вагинова, Вс. Иванова, В. Каверина, Д. Хармса, М. Булгакова, А. Платонова и др.

В рассказах середины и второй половины 1930-х гг. позиция повествователя перемещалась к территории познаваемого мира, т.е. к окну (месту столкновения миров), через которое взгляду того или иного персонажа случайно и фрагментарно открывалось пространство иного (непознанного) мира. В большей части рассказов, написанных в 1940-41 гг., отображено пространство познаваемого мира.

Одним из признаков фантазмагорического характера цикла рассказов «Случаи» является специфическое пространственно-временное измерение. Поэтому для нас интересны наблюдения Е. Захарова, который отмечает, что в произведениях Д. Хармса, написанных в разные периоды творчества, прослеживается перемещение доминирующих зон пространства: в самых первых рассказах писателя повествователь-вестник мог быть как на территории «иного» (ирреального) мира и мог видеть этот мир, а также одновременно имел возможность созерцать тот мир [1]. Описанные явления характерны для малой прозы первой половины 1930-х гг.

Герои цикла «Случаи» не выделяются из общей серой массы незаметных людей. Д. Хармс создаёт уникальный мир, заполнив его различными несуразными образами: старухи, вываливающиеся из окон, безрукий и безногий рыжий человек, который без внутренностей, дерущиеся Алексей Алексеевич и Андрей Карлович, снимающий и надевающий очки Семён Семёнович, якобы убедившийся в оптическом обмане, Петраков, которого покинул сон, и другие [3]. Человек, изображённый в первой миниатюре, не испытывает страха и боли, он бесчувственный. В подобном состоянии находятся и дерущиеся персонажи.

Анализируя стилистический акцент цикла «Случаи», М. Липовецкий заключил, что «... новеллы неререференциальны, поскольку мало соотнесены с топосом реального времени. Элементы времени и пространства в

произведениях цикла являются речевыми фигурами, например: «А жена Спиридонова упала с буфета и тоже умерла. А дети Спиридонова утонули в пруду. А бабушка Спиридонова спилась и пошла по дорогам» [3, с. 181]. Лексемы «буфет», «дороги», «пруд» мало относятся к пространству. Здесь отражены их языковые особенности.

На передний план цикла «Случаи» выходят не столько люди, сколько черты нового времени, а именно: бессмысленная агрессия, грубость, бездушность и т. п. Писателем создаются маленькие повседневные сценки, отображающие ужас и мерзость человеческих поступков, отвратительных случаев. Парадоксально, что хотя всё кажется достаточно абсурдным, но в цикле отдельные ситуации напоминают реальность. Автор показывает, что подобное вполне могло происходить в жизни, но все эпизоды, объединённые в один сборник, создают нагромождение пародийного, гротескного, вырисовывается целостная картина абсурдной жизни.

В проанализированных рассказах зафиксированы художественные приёмы не только обэриутов, но и почерпнутые из фольклорных источников, древних мифов, комедий древнегреческих и отечественных авторов, модернистов, что является доказательством тщательной работы писателя над созданием новых оригинальных произведений, выбором заумной манеры письма. В литературе начала XX века Д. Хармсу удалось приём абсурда логично оформить, значительно расширить и развить до уровня стилевой доминанты.

В рассказах хармсовского цикла «Случаи» разные несоответствия, чушь проявляются в первых же строках, где представлена уже абсурдная и алогичная ситуация, которая усиливается в дальнейшем повествовании. Важно заметить, что не сами художественные произведения алогичны, а жизнь в них, которую мастерски описал автор. Бессмысленность и алогизм проявляются в различных жизненных ситуациях и вещах, изображённых в художественном произведении цикла. Алогизм, бессмысленность выполняют в текстах рассказов функцию, тождественную юмору, обнажающему абсурдность реального мира, человеческого состояния. Для Д. Хармса определяющими являлись святость живой жизни и юмор, раскрывавший неподлинную, застывшую, мёртвую жизнь, точнее, её оболочку.

Отметим, что изображённые конкретные бытовые ситуации доведены писателем до абсурда. Краткие истории ассоциируются с газетными лаконичными статьями. Автор пародирует содержание газет, однако все происходящее возникает словно ниоткуда [4].

Д. Хармс, желая показать нелепость и абсурдность атмосферы того исторического периода, когда он жил и работал, умело использует различные приёмы, например, парадокс, гротеск, алогизм и другие. Автор показал специфику времени, когда царили бессмысленная агрессия и террор. Подобная атмосфера напоминает кадры из фильмов ужаса, а автор

иронизирует до тех пор, пока ситуация из смешной не превратиться в страшную. Автор парадоксально разрушает традиционную манеру создания текста, синтезируя частное и сакральное. Такой своеобразный временной рубеж с одной стороны отображает сложный процесс отдаления индивида от упорядоченной хронологической системы, а с другой – его приобщение к альтернативной атемпоральной системе. Абсурдный и модернистический текст соприкасаются на метафизической территории – сне. Так появляются зоны правдивого абсурда, не поддающегося законам логики. Подобное характеризуется как авторский вызов, провокация.

Выводы. Таким образом, характерными признаками фантасмагоричности цикла рассказов и сцен Д. Хармса «Случаи» являются специфический пространственно-временной вектор текстов, гротескные элементы поведения людей (например, падения, драки). Социальные катаклизмы, доходящие до алогизма и парадоксальности, стали основой для создания цикла рассказов. В «Случаях» Д. Хармса поэтика абсурда, способствуя созданию гротескной модели мира, становится концептуально значимой и функционально реализована на стилистическом уровне художественного текста.

Литература

1. Захаров, Е. В. Малая проза Даниила Хармса: авторские стратегии и параметры изображенного мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.01. «Русская литература» / Е. В. Захаров. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.
2. Минц, З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Минц // Блоковский сб. III : Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. – Вып. 459. – Тарту, 1979. – С. 76-120.
3. Хармс, Д. И. Полет в небеса. Стихи. Проза. Драмы. Письма / Д. И. Хармс. – Ленинград : Наука, 1988. – 560 с.
4. Ямпольский, М. Аг Б. Беспмятство как исток: (читая Хармса) / М. Б. Ямпольский. – Москва : Новое литературное обозрение, 1998. – 384 с.

УДК 371

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Безносюк Екатерина Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры начального,
дошкольного и психолого-педагогического образования

Евпаторийского института социальных наук (филиала)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Российская Федерация